

Н. И. МИЛЮТЕНКО

Переяславское сказание о Борисе и Глебе в составе Летописца Переяславля-Суздальского

Летописец Переяславля-Суздальского (далее: ЛПС) сохранился в составе так называемого Архивного сборника, в котором ему предшествует Хронограф.¹ По оглавлению перед этими двумя памятниками восстанавливается Толковый апокалипсис, а после них Сборник и Пчела.²

ЛПС в рукописи озаглавлен: «Летописец русских царей». Он состоит из двух частей: первая совпадает с ПВЛ, охватывая события с начала расселения славян до 1110 г. К ней присоединены две статьи: 1137 и 1143 гг. Вторая часть начинается с 1138 г. и кончается 1214 г. С 1138 по 1205 г. изложение совпадает с Лаврентьевской летописью, с 1205 г. — самостоятельно. Во второй части много местных переяславских известий, что и позволило К. М. Оболенскому назвать весь летописец ЛПС,³ на основании ряда данных ЛПС он датировал его 1214—1219 гг., А. А. Шахматов уточнил датировку: 1214—1216 гг.⁴

Собственно переяславской части посвящена обширная литература.⁵ Древнейшая часть сложна по составу, так как в ней некоторые статьи пропущены, но некоторые содержат уникальные сведения. Работ, посвященных специально этой части, нет. До сих пор не решен вопрос о месте и времени ее составления, неясно, когда, где и кем она была соединена со второй, собственно переяславской частью.⁶ Отрывок Древнейшей части в списке БАН.33.16.9 (кончается 925 г.) не дает материала для решения этой проблемы. Опирается следует только на комплексный анализ памятника.

¹ ЦГАДА, ф. Архива МИД, № 279/658.

² Описание рукописи см.: ПСРЛ. Л., 1989. Т. 38. С. 5.

³ Летописец Переяславля-Суздальского / Изд. К. М. Оболенского. М., 1851. С. I—XVII.

⁴ Шахматов А. А. Исследование о Радзивилловской или Кенигсбергской летописи. СПб., 1902. С. 91.

⁵ Основные работы: Шахматов А. А. 1) Исследование...; 2) Обзорение русских летописных сводов. М.; Л., 1938. С. 44—69; Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940. С. 57—61; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 435—437; Лурье Я. С. О происхождении Радзивилловской летописи // ВИД. Л., 1987. Т. 18. С. 64—83.

⁶ Вопросы составления и происхождения ЛПС касались в своих работах: Шахматов А. А. Исследование... С. 31—32; Лихачев Д. С. О Галицкой литературной традиции в Житии Александра Невского // ТОДРЛ. Л., 1947. Т. 5. С. 36—56; Орлов А. С. О Галицко-Волынском летописании. Там же. С. 3—26.

В составе Древнейшей части есть несколько вставных произведений: Церковный устав Владимира Святого,⁷ «Убиенье святых князья Бориса и Глеба»,⁸ «Судь Ярослава» и «Роспусы из номаканона Ярослава». В данной статье мы обратимся к анализу одного из этих памятников — «Убиенья», которое раньше специально не изучалось. Рассмотрим вначале его положение в Летописце и связь с другими статьями.

В отличие от тождественного ему Виленского хронографа Архивский разделен на главы.⁹ Нумерация распространяется на весь сборник. Она начинается с 1-й главы Толкового апокалипсиса и идет без перерыва до самого конца книги. «Убиенье» помещено после отрывка летописной статьи 1015 г. с уникальным известием о вокняжении Святополка. Этот отрывок выделен в отдельную главу под номером 295. В 296-й главе объединены «Убиенье» и фрагмент, в котором говорится о просветительской деятельности Ярослава. 297-я глава содержит «Судь Ярослава». Текст «Убиенья» не является продолжением отрывка летописной статьи 1015 г. По отношению к летописи он представляет собой отдельный памятник. Исследователями отмечалась его близость Анонимному сказанию о Борисе и Глебе.

Д. И. Абрамович, опубликовавший «Убиенье» в разделе «Летописные повести», посчитал его редакцией Анонимного сказания. Еще ранее П. В. Голубовский при анализе Паремийного чтения Борису и Глебу¹⁰ назвал текст из ЛПС сокращенным вариантом Анонимного сказания с добавлениями из Паремийного чтения. С. А. Бугославский при детальном анализе списков Анонимного сказания вскользь упомянул его, также посчитав редакцией.¹¹ Больше никто из исследователей к этому произведению не обращался.

Можно проследить тесную связь «Убиенья» с текстом Древнейшей части ЛПС. В «Убиеньи» есть указание на ростовское княжение Бориса в его плаче по отцу: «Азь пришедь благославение прияти и радость людемъ ростовскимъ принести» (в Анонимном сказании нет). В статью 996 г. о принятии Владимиром Церковного Устава вставлено известие о том, что при этом присутствовал Борис: «Призва сына князя Бориса и княгиню Анну грекиню царицю». Перекрестный интерес автора «Убиенья» к ростовскому княжению Бориса, а летописца к первому святому ростовскому князю позволяет предположить, что «Убиенье» было действительно написано в Северо-Восточной Руси.

Это предположение подтверждается текстологическим совпадением между «Убиеньем» и Переяславской редакцией статьи 1110 г.,¹² а также сходными принципами подхода к теме в обоих случаях. В статье рассказывается о вещем сне Александра Македонского, о его войне с Дарием и последующих деяниях. О погребении Дария в ЛПС сказано: Александр «своима рукама опрята» Дария. Ср. в «Убиеньи» Борис говорит: «...да быхъ рукама опряталъ тѣло твое...»; тогда как в «Александрии» Дарий просит: «Своима рукама погребни мя», а о погребении Дария сказано: Александр «понесе тѣло

⁷ Шапов Я. Н. Древнерусские княжеские уставы. М., 1961. С. 20, 26.

⁸ Текст публиковался дважды: Летописец Переяславля-Суздальского. М., 1851. С. 35—41; Абрамович Д. И. Жития св. муч. Бориса и Глеба. Пг., 1916. С. 36—38.

⁹ Истрин В. И. Александрия русских хронографов. М., 1893. С. 124—139; Мещерский Н. А. К вопросу о датировке Виленского хронографа // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 10. С. 380—386.

¹⁰ Голубовский П. В. Служба св. муч. Борису и Глебу // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. Киев, 1900. Кн. 14, вып. 3.

¹¹ Бугославский С. А. 1) Украинно-русские памятники XI—XVIII вв. про князів Бориса та Глеба. Київ, 1928. С. XVII; 2) Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе. Рук. диссертации на соискание степени д. ф. н. // ИМЛИ, ф. Бугославского, № 1.

¹² Подробнее об этой статье см.: Мещерский Н. А. К вопросу об источниках Повести Временных Лет // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 57—63.

Дариево», «вложи въ гробъ». Такое изменение фразеологии может принадлежать автору «Убиенья».

Помимо рассказа о вещем сне Александра Македонского, который есть во всех летописях Ипатьевской группы, в ЛПС есть описание вещего сна князя Мала, насыщенного языческой символикой. Готовясь к свадьбе с Ольгой, он постоянно видит во сне, как невеста дарит ему все предметы похоронного обряда: этот текст есть только в ЛПС. В «Убиеньи» Глеб также видит вещей сон, и это известие не повторяется ни в одном из памятников Борисо-Глебского цикла. Вряд ли можно назвать появление в сравнительно небольшом по объему тексте Древнейшей части трех вещей снов случайным, как и совпадение текстов «Убиенья» и статьи 1110 г. Следует учесть и особое почитание Бориса князьями Суздальской земли Юрием Долгоруким и его сыном Андреем Боголюбским.¹³ В самом Переяславле-Залесском на месте нынешнего городского кладбища еще в XVIII в. был Борисоглебский монастырь. Впервые он упоминается как место действия в Житии Никиты Переяславского, подвижника XII в. Хотя сам текст поздний (XV в.), пренебрегать его сведениями не следует. Связь между Древнейшей частью и «Убиеньем», как и свидетельство почитания Бориса и Глеба в Переяславле, позволяет предположить, что рассказ о Борисе и Глебе в составе ЛПС был написан в самом Переяславле-Залесском. Условимся впредь называть этот текст Переяславским сказанием о Борисе и Глебе.

Детально проанализировав Переяславское сказание и сравнив его с Анонимным, мы сможем сделать вывод, является ли этот памятник редакцией Анонимного сказания или самостоятельным произведением Борисо-Глебского цикла.

Общий объем текста Переяславского сказания меньше, чем Анонимного, но плачи Бориса и Глеба в Переяславском памятнике больше, чем у Анонима, следовательно, мы уже не можем говорить о простом сокращении.

Оба произведения имеют одну последовательность изложения, что и позволило посчитать текст из ЛПС редакцией Анонимного сказания. Переяславский автор начинает с росписи сыновей Владимира и истории женитьбы его на вдове Ярополка, матери Святополка. Последовательно рассказывает о походе Бориса на печенегов, о том, как тот узнал о смерти отца, о гибели Бориса, а затем Глеба. Далее он описывает Альтскую битву и кончает произведение перенесением тела Глеба и похвалой святым. Но при очевидном сходстве планов каждый отдельный фрагмент в Переяславском сказании отличается от соответствующих ему текстов в Анонимном.

Уже сугубо информативная вводная часть содержит три существенных расхождения. В Переяславском сказании есть два известия, которых нет в Анонимном. Автор пишет, что мать Святополка была «плена в Царьградъ», в действительности этого не могло быть, так как Святослав не брал Константинополь. После смерти мужа она опять постриглась, прежде чем Владимир в свою очередь расстриг ее и сделал своей женой. Третье расхождение состоит в том, что переяславский автор не упоминает об убийстве Ярополка Владимиром.

Сравним образы главных героев, проводя и текстологическое сравнение памятников там, где это будет необходимо. Для характеристики и Бориса, и Глеба в Анонимном сказании большое значение имеют два плача: Бориса по отцу и Глеба по брату.

Плач Бориса в Анонимном сказании — это боль сына, только что потерявшего отца, сознание своего одиночества, предчувствие трагической раз-

¹³ Построение Юрием церкви Бориса и Глеба в Кидекше на месте стана Бориса; меч Бориса, принадлежащий Андрею.

вязки отношений со старшим братом. Как отмечал Л. А. Дмитриев, «благодаря отдельным жизненным замечаниям, благодаря переключке с традициями устной народной причеты по покойному», у читателей возникает «отношение симпатии, человеческого сочувствия к осиротевшему Борису, которого ожидает жестокая участь».¹⁴ Плач Бориса строится по тому же принципу, что и другие монологи в Анонимном сказании: «чередование однотипных по структуре предложений, нередко с анафорическим повторением первого слова, риторические возгласы (Увы мне... Увы мне), вопросы-обращения, цитаты из Священного Писания».¹⁵ Линейное построение плача, воспроизводящее естественное течение мысли, лучше всего отвечает задаче Анонима — передать «длинную цепь горестных размышлений своего героя».

Переяславский автор, как мы увидим, вкладывал в этот плач совсем иное содержание, что и заставило его использовать другие средства художественной выразительности. В плаче содержатся четыре крупных фрагмента, которые не имеют текстовых параллелей в Анонимном сказании. Первый фрагмент — зачин плача. В обоих текстах это сетования Бориса на то, что он не сам хоронил Владимира, но совпадает в них только одно словосочетание: «да быхъ рукама опряталь». Второй фрагмент — это просьба к умершему Владимиру взять с собой, в царство небесное. Третий — укор Святополку, тайно похоронившему Владимира, и противопоставление былой славы Владимира его нынешнему неизвестному положению. В четвертом — Борис снова обращается к отцу с просьбой взять к себе. Ни одна из этих мыслей не выражена в Анонимном сказании даже намеком, а для Переяславского они имеют первостепенное значение.

Основная мысль плача заключена в словах: «Уже възми и мене, отче, къ собѣ». Ее доминирующее значение подчеркнуто положением в тексте. Борис произносит обращение к отцу дважды, каждое из них является центром периода, начала которых, как и концовки, перекликаются.

Вот что представляет собой первый период:

Начало: Борис сожалеет, что не был при кончине своего отца —

«Посылаа мя на печенеги сиа, что ради мя не остави у себѣ,
да быхъ рукама опряталь тѣло твое святое...».

Центр:

«Сияние свѣта моего, зашел еси, уже възми и мене, отче, къ собѣ,
да не осквърню възраста младенства моего».

Завершение:

«Аще ли не възмеши мене съ собою,
тъ къ кому прибегну, отче господине мои...».

Начало второго периода:

«Како не сподобиль мя еси цѣловати честныхъ ти сѣдинь,
и не съподобихся понести честного тѣла твоего».

Центр:

«Душа ми смутися: Не хошю бо ни день, ни часъ видѣти,
донележе сподоблюся день, который ты видель и възрадовася».

¹⁴ Дмитриев Л. А. «Сказание о Борисе и Глебе» — памятник литературы Древней Руси // Сказание о Борисе и Глебе: Факсим. воспроизв. житийных повестей из Сильвестровского сборника. М., 1985. С. 19.

¹⁵ Еремин И. П. «Сказание» о Борисе и Глебе // Литература Древней Руси (этюды и характеристики). Л., 1966. С. 23—24.

Завершение:

«Къ кому ми велиши приѣгнути,
матери отшедшей преже,
а тобѣ нынѣ осталшу нашь?
Къ брату ли Святополку...
нѣ тыи о суете тшитъся
и о убиистве моемъ помышляеть».

Оба периода имеют одинаковые начала и продолжения. Перекликаются как предшествующие центральной мысли фразы, так и следующие за ней. Такая повторяющаяся «рамка», в которую заключается центральная мысль, выделяет ее из текста.

Основная мысль плача получает свое завершение в финале: «...да аще потщитъся на убийство мое, то мученикъ буду Христу моему...».¹⁶

Борис предвидит, какой подвиг введет его в царство небесное, куда уже вошел Владимир как креститель Руси. Эта мысль найдет свое завершение в похвале святым: Борис и Глеб будут названы «новоначалници святому крещению, яко апостолы». Их мученичество сравнивает их с новоначалником крещения Руси.

Говоря о форме плача в Переяславском сказании, нужно отметить, что существование двух периодов не разбивает его на части. Их связывают полные горечи рассуждения Бориса о славе Владимира при жизни на земле и на небесах и о бесславном погребении:

Не утайся еси всю зьмлю дръжа, нынѣ же ты не вѣмы.
Не утайся еси на небеси отъ ангель
Просвѣтити съ тобою русскую землю,
Нынѣ ли хранишься безо чти.

Совпадающая по смыслу «рамка» не означает, что второй период повторяет первый. Его тема, переключаясь, усиливается и развивается. К ней добавляется восхваление христианских подвигов Владимира, начатое в связующем фрагменте.

Вѣмъ бо посты твоя, вѣмъ молитвы твоя,
вѣмъ милостыня твоя.

Так переяславский автор выстраивает зеркальную композицию из двух связанных между собою периодов, зачина и концовки. Форма отличается стройностью, обусловленной единством идеи и общим финалом, который служит закономерным завершением всего плача. Повторы, пронизывающие центральную часть плача, создают жесткий ритм, выделяют составляющие текста и одновременно объединяют его в единое целое. Система, созданная переяславским автором, не имеет соответствий или источников в Анонимном сказании.

Вложенное в уста Бориса обращение к отцу не имеет аналогии в Анонимном сказании, но именно оно совершенно меняет смысл не только этого плача, но и всего произведения в целом, потому что изменился весь образ Бориса. У Анонима Борис должен либо убить Святополка, либо дать Святополку убить себя, третьего не дано. В Переяславском сказании Борис с самого начала стремится соединиться с отцом. Именно поэтому он плачет иначе: наравне со скорбью сына звучит тема восхищения христианскими подвигами Владимира. Это различие важно для понимания образа князя-мученика, созданного переяславским автором.

В характеристике героя особое значение придается теме суетности и ложности земной жизни. Различия, обозначившиеся в плаче по отцу,

¹⁶ Слова, совпадающие с Анонимным сказанием, выделены курсивом, приблизительно соответствующие тексту Анонима — разрядкой.

получают дальнейшее развитие в монологе о суете. Хотя эти тексты близки стилистически и лексически, но совершенно различны по смыслу.

У Анонима Борис думает о том, что по возвращении в «домъ отца» его будут уговаривать прогнать старшего брата так же, как в свое время Владимир прогнал и убил Ярополка. Основное содержание его монолога: сто́ят ли «слава и княжение мира сего», чтобы ради них совершить преступление. В связи с этими размышлениями появляется в Анонимном сказании рассуждение Бориса о тленности тех богатств, которые имели «братия отца его или отецъ его» при жизни. Борис думает о том, что никогда не сможет оправдаться перед Богом в таком грехе, как братоубийство. Сопоставляя преходящие и вечные ценности, он окончательно убеждает себя в правильности принятого решения не сопротивляться Святополку и подкрепляет этот вывод словами Соломона о суете.

В Переяславском сказании размышления о предполагаемом покушении на Святополка отсутствуют. Предположение, что начальная фраза «Аще поиду въ домъ отца моего» выпала случайно при переписке, несостоятельно. Тогда нужно предположить, что случайно выпало не только первое предложение, но и весь последующий текст, где Борис размышляет о последствиях убийства Святополка, хотя при этом сохранилась та часть первого предложения, где говорится о «славе» и «княжении мира сего». На то, что в данном случае мы имеем дело с целенаправленными изменениями в тексте канонического жития, указывает и то, что из вводной части переяславский автор тоже убрал упоминание об убийстве Владимиром Ярополка.

Для переяславского автора рассуждение о суете имело собственную, независимую ценность. Характеру Бориса с самого начала приданы такие черты, что какие-либо дополнительные мотивировки появления этого монолога совершенно не нужны. Переяславский герой не знает сомнений. «Воля твоя да будетъ, образъ бо мира сего мимоходитъ и слава его хуже паучины», — восклицает он и произносит яркую, сильную речь о суете и тщете этого мира. О жизни «братъи отца своего» Борис в Переяславском сказании говорит еще более резкими словами, чем герой Анонимного. В Анонимном сказании «вся съ ними исчезоша», а в Переяславском — «и все мимо иде и погипе». В Анонимном сказании очень подробно описано, что имел Владимир при жизни, и это описание с небольшими стилистическими изменениями входит в Переяславское полностью, а о царе Соломоне в Анонимном сказано только, что он «вся прошедь, вся видевъ, вся стяжавъ, вся съвокупивъ». Переяславского автора подобная краткость не устраивала, и он подробно описывает, что имел Соломон. В результате тема суеты здесь звучит ярче и резче, образ Бориса по сравнению с Анонимным сказанием обретает новую краску — подчеркнутую аскетичность. В переяславской трактовке герой стоит выше всего земного и стремится к одной цели — достойно совершить свой подвиг мученичества. И эту строгость не смягчают и последующие слова: «Идыи же путем, помышляше о добротѣ тѣла своего, и слезами весь обливаася, и людей ради хотѣ въздержатися, и не можаше». Следует особо отметить, что переяславский автор и здесь вставил объяснение, соответствующее духу его сочинения: Борис хотел сдержаться «ради людей», т. е. чтобы его слабость не видела.

Глубина различий между двумя Борисами хорошо видна, если сравнить предсмертные молитвы и описания последних минут их жизни.

Аноним показал себя мастером тонкого психологического рисунка. «Борис идет на гибель добровольно, подчеркивает автор, но вместе с тем он же сам пишет о чувствах Бориса так, что перед читателями душа его героя предстает переполненной тоской, печалью и смятением».¹⁷

¹⁷ Дмитриев Л. А. «Сказание о Борисе и Глебе»... С. 19.

При движении на Альту он то забывает «скорбь смертную», утешаясь «словами Божиими», то опять плачет «в тузѣ и печали». Особенно ярко эти два противоположных состояния души Бориса проявляются в ночь перед убийством на Альте после ухода войск.

Вспоминая о святых, ставших жертвой своих родичей, он утешается и радуется предстоящему ему подвигу, но предсмертный сон Бориса «въ мнозѣ мысли и в печали крепцѣ, и страшнѣ, и тяжцѣ» — это не мирный сон мученика, безропотно принимающего свою участь. Последний всплеск боли и обиды человека, примирившегося с необходимостью гибели, звучит в молитве, которую произносит смертельно раненный Борис, выбежав из шатра (см. таблицу). Он четырежды восславляет Бога за то, что был сподоблен мученичества, но совершенно неожиданно сквозь традиционные слова святого прорываются горькие упреки старшему брату за его неоправданную жестокость.

«Вижь болѣзнь сердца моего», — восклицает Борис, обращаясь к Богу, и просит быть судьей между ним и старшим братом. Это делает жизненной и по-настоящему трагичной картину гибели Бориса.

ТАБЛИЦА

Анонимное сказание

Господи Боже мои многомилостивыи, и милостивыи, и премилостиве,
слава Ти,
яко свободилъ еси мя отъ прелести жития сего лъстнаго.
Слава Ти, прещедрыи живодавче,
яко сподобилъ мя еси труда святыхъ Ти мученикъ. Слава Ти владыко
человеколюбче,
сподобивыи ми скончати хотение сердца моего.
Слава Ти, Христе, многому Ти милосердию
Твоему, иже направи на правыи путь мирные ноги мои течи къ Тебе
бесьблазнь.
Призри съ высоты святыни Твоеи, вижь болезнь сердца моего,
юже прияхъ от сродника моего,
«яко Тебе ради умерщляемъ есмь въ сь день,
въмениша мя яко овца на сънѣдѣ».*
Вѣси бо, Господи мои, яко не противлюся, ни въ прѣкы глаголю,
а имыи въ руку вся воя отца моего и вся любимая отцемъ моимъ,
и ничто же умыслихъ противу брату моему,
онъ же въздвиже на мя, елико възмогъ.
«Да аще бы ми врагъ поносилъ, прѣтерпѣлъ убо быхъ,
аще бы ненавидя меня вельречевалъ, укрылъ быхъ ся»,**
но ты, Господи, вижь и суди межю мною и межю братомъ моимъ.
И не постави имъ, Господи, грѣха сего,
нъ приимъ въ миръ душу мою. Аминь.

Переяславское сказание

Слава Ти, вседержителю живодавче Господи,
яко сподобилъ мя еси труда святыхъ Ти мученикъ.
Виждь, Господи, съ небеси святого Твоего,
иже приахъ от брата своего,
«яко Тебе ради умръщляемъ есмь въ сии день,
вмениша мя яко овца на заковление» Тебе ради.***
«Аще бы ми врагъ поносилъ,
прѣтерпѣлъ убо быхъ»,**
паче же отъ брата,
но не постави имъ, Господи, грѣха,
нъ приимъ въ миръ душу мою. Аминь.

* Пс. 52, 23.

** Пс. 54, 12, 13.

*** Пс. 52, 23. (Здесь цитата точнее).

В Переяславском сказании в предсмертной молитве нет ни одного упрека Святополку. Что еще важнее, полностью убран призыв к возмездию: обращения «суди мею мною и мею братом моим» нет.

В Анонимном сказании его усиливала цитата из 54-го псалма. Приведем текст в большем, чем в молитве, объеме, чтобы прояснить его значение: «Потопи, Господи, и раздѣли языки ихъ, яко видехъ беззаконие и прѣрѣкание во градѣ... И не оскудѣеть отъ стогнѣ его лихва и леть. Яко аще бы ми врагъ поносилъ, прѣтерпѣлъ убо быхъ. И аще бы ненавидя мя вельречеваль, укрывъ быхъ ся. Ты же, человеце равнодушне, владыко мои и знаемыи мои, иже купно наслаждался еси со мною брашень, въ дому Божии ходихомъ единомышлениемъ. Да приидеть же смерть на ня, и да снудеть во адъ живи» (Пс. 54, 10, 12—16).

В Переяславском сказании есть только 12-й стих «Аще бы ми врагъ поносилъ...». К нему добавлены слова «паче же отъ брата», которые противоречат смыслу псалма и в корне меняют значение цитаты в контексте молитвы. Следует отметить, что эти различия нельзя отнести за счет случайных ошибок или описок. Ранее уже отмечалось значение темы суетности и ложности этого мира. Свое дальнейшее развитие она получила в молитвах Бориса, произнесенных в шатре на Альте в утро его гибели.

В Переяславском сказании он произносит не две молитвы, как в Анонимном, а три. Уже в первой есть серьезное отличие от Анонима: параллель между Иисусом Христом и Борисом, которую проводит он сам. Вторая молитва, которую Борис читает, когда слышит приближение убийц, не имеет даже приблизительных аналогий в других памятниках Борисо-Глебского цикла. Но именно она очень важна для Переяславского сказания: в ней четко сформулировано противопоставление «пути лестного» (этого мира) миру «некончаемому и радостному», в который стремится Борис:

Слѣзы ми дажь, Боже, яко жене грешнице,
и сподоби мя мочити нозь Твои,
иже мя отъ пути лъстнаго свобождаа,
и мне повели въ миръ ити некончаемыи и радостныи.

Свою смерть Борис расценивает как переход из ложного мира в истинный. Потому в последней предсмертной молитве нет упреков Святополку — они бы противоречили всей логике развития образа. По этой же причине появляется обращение к убийцам «ходатаи вѣнца моего браку вечному», которого нет у Анонима.¹⁸ Реакция людей Бориса на это обращение тоже иная, чем в Анонимном сказании.

Да елико слышаху словеса его отъ слезъ не можаху ни словесе рещи, отъ страха же, и печали горькы, и многих слезъ, нъ съ въздыханиемъ горькымъ жалостно плакахуся, кождо въ души своей стонааше:

Они же, слышавша, измолкоша, и ови хотяху на меча встукнутися и удержими отъ некихъ, и глаголаху: «Кто сицевъ человекъ, иже такога свята земледържца погуби». И не можаху отъ слезъ изглаголати:

(одинаковое обращение к Борису)...

...Къто ли не почудится великому смерению, къто ли не съмъриться, онаго съмърения видя и слыша.

Кто сия въ нынѣшнемъ веце обрѣтесе сътворивъ и исправивъ заповѣдь Спасову, како не *восхотѣ веселитися съ вельможамы своими честными*, и кто не подивится толику его съмирению.

(Анонимное сказание)

(Переяславское сказание)

¹⁸ Похожая фраза есть в некоторых редакциях церковной службы Борису и Глебу.

Здесь новый по отношению к Анонимному сказанию мотив упрека своему веку. У Анонима свидетели подвига Бориса восхищались его великим смирением, в их словах звучала уверенность, что он повлияет на современников, что каждый «смириться, оногъ съмирения видя и слыша». В Переяславском сказании не только не выражается надежда на то, что кто-то последует примеру Бориса, наоборот, — звучит горькое сетование, что теперь никто «не исправит заповедь Спасову». В данном случае можно даже говорить о раздвоении лица, от имени которого говорится текст. Если начало явно принадлежит современникам Бориса, то последние предложения больше похожи на авторскую речь.

Ясно видно, что причина различий в двух текстах в том, что новый автор совсем иначе видел и понимал своих героев. Все так называемые сокращения и дополнения идут в одном, строго определенном направлении. В характере Бориса, в его поступках и словах нет никаких противоречий, хотя, с одной стороны, в рисунке образа автор Переяславского сказания очень далеко отошел от своего предшественника, с другой — использовал немало фраз и оборотов из Анонимного сказания. Трогательность образа Бориса сменяется строгой возвышенностью в плаче. В его дальнейших рассуждениях обоснуется стремление соединиться с отцом. Если презрение к своему времени, к «славе мира сего», уверенность в быстротечности и тленности всего сущего звучали в монологе о суете, то ей откликаются не только слова самого Бориса, но и горький упрек своему времени в устах его людей.

Различие между образами Глеба в двух произведениях еще глубже. Рассказ о смерти Глеба отделен от предыдущей части сокращенной вставкой из Анонимного сказания. Текст переяславского автора начинается с сообщения о приходе гонца от Ярослава с известием об убийстве Бориса. Затем следует плач Глеба по брату.

В центральной части плача в виде единого массива сосредоточен почти весь пласт текста, не соотносимый с Анонимным сказанием.

Азь бо слышахъ на поганяя тебѣ шедша послушанием к отцу любви.
 Ты же не къ тому ста подвигу, но и на веляя, неразумного одоле единь
 безъ мене, брате мои.
 Аще бо и нанесе тебѣ раны, но ураниль еси его въ гнѣвливое сердце
 нутрь до конца;
 Себе же побѣды вѣнца взять еси, а мене оставилъ еси:
 Единь гробъ держа насъ, материна утроба, то могль бы и земельныи гробъ
 насъ удержати во единении.
 И какъ убо диваюля козни вся съкрушилъ еси, а мене отъ нихъ
 не отнесъ еси.
 Се бо яко во мори влннуемъ есть жития бури.
 И корабль души моя погружаеть, и какъ во сне явился еси мнѣ,
 братѣ възжеленныи,
 прирекъ ми еси исходя ис храма: «Глебе, гряди».
 И се азь гряду, но тебе не сушу, свѣту моему.

Далее есть еще два, тоже очень важных для понимания замысла переяславского автора фрагмента:

Яко ты обещася Богу и свѣрши, мене оставивъ, сиротку, безъ добрыхъ
 дѣлъ, умилна на всякъ часть...
 Въжеленныи мои, любезнейши брата Борисе:
 аще и еще възлюбиши ми,
 и незабвенно сътвори имя мое у престола Господа славы.

Как видно, здесь нигде не развивается тема Анонимного сказания. Появляется совершенно новая: восхищение подвигом Бориса, сожаления Глеба о том, что он не был в это время с братом. Наиболее важно то, что в плаче есть четкая формулировка значения подвига Бориса, которой нет у Анонима, тем более в виде такой градации: победа над погаными — моральная победа над Святополком (победа над дьяволом). Эта градация

выстраивается переяславским автором очень четко и последовательно: сначала Глеб говорит о том, что его брат шел на поганых и совершил еще больший подвиг. Дальше он развивает эту мысль: хотя Борису и «нанесли раны», но «вѣнец побѣды» взял именно он. И наконец, в словах «И какъ убо диаволя козни вся сокрушилъ еси» четко сформулировано понимание значения поступка Бориса, того, почему он — святой. Именно здесь возникает основное различие между образами Глеба.

В Анонимном сказании Глеб плакал о смерти брата, о том, что он остался один, его восклицание: «Уны бы с тобою умрети ми» — звучало как крик отчаяния, как традиционный причет в народном плаче. В Переяславском сказании этим словам придано совсем другое значение. Глеб постоянно говорит о своем желании умереть с братом, в сочетании со словами не только о своем одиночестве, но и с сетованиями на то, что он не вместе с братом совершил подвиг, это смещает акценты.

В плаче Глеба появляется еще одна тема, которая ни в одном из произведений Борисо-Глебского цикла не выступала на первый план, — тема героического единства братьев в их подвиге. Она звучит в словах Глеба о «едином гробе», который должен был вновь объединить их после смерти, и особенно ярко в рассказе Глеба о своем вешем сне. В Переяславском сказании Борис перед смертью произносит слова: «Гряди, брате Глебе». В плаче Глеб говорит, что во сне видел Бориса выходящим из храма со словами: «Глебе, гряди», и он так отвечает на его призыв: «И се азъ гряду, но тебе не сущу, свѣту моему». У Анонима, как и в Нестеровом «Чтении», Борис и Глеб действуют порознь, между их поступками нет связи, они совершают два одинаковых подвига, тогда как в Переяславском сказании подчеркнуто его единство. Хотя братья разъединены временем и пространством, возникает ощущение непрерывности действия. В этом состоит еще одно отличие Переяславского сказания от Анонимного.

Впервые наметившиеся в плаче изменения в образе Глеба получают дальнейшее развитие в описании его смерти. Сравним обращение к убийцам (текст Переяславского сказания дан полностью):

Не дѣйте мене, братия моя милая
и драгая,
не дѣйте мене, ничто же вы зла
створивша...
Кую обиду створихъ брату моему
и вамъ, братие и господие мои...

*Аще ли кая обида,
ведѣте мя к князю вашему, а к брату
моему и господину
Помилуйте уности моей,
Помилуйте, господье мои,
вы ми будете господие мои, азъ
вам рабъ.*

Не пожнете мене отъ жития не съзрела,
не пожнете класа не уже съзревша
но млеко незлобиа носяща,
не порежете лозы не до конца
възрастша,
а плода не имуща...
Азъ, братие, и злобиемъ, и въздрастом еще
младенъствую,
се несть убиство, но сырорезание...

(Анонимное сказание)

Вижю предъ собою путь живота и смерти,
но, братия моя драгая,
не загубите мене прежде времени и еще
не готова суща,
а брату ми сущу Святополку ничтоже зла
створившему,
ни вамъ.

*Аще ли обида каа будет
то поведите ми къ князю вашему,
а моему брату,
помилуйте юность мою,
да будете вы мне господие, а азъ вамъ
рабъ.*

Не пожнете мене класа не съзрела
покаяниемъ,
но млеко незлобиа носяща,
не порежете мене лозы не до конца възрастша,
а плода не имуща.

*Но убоитесь Бога рекиша усты апостольскы:
«Братиа! Не дети бываите умошь,
не злобю младенъствуйте,
а умом свершени будете».
Да аще крви моя насытити ся хочете,
то въ руку вы есмь и у князя вашего,
а моего брата.*

(Переяславское сказание)

В этом тексте части, соотносимые с Анонимным сказанием, отличаются наибольшей для Переяславского сказания лексической и синтаксической близостью с произведением Анонима. Но смысловое различие между двумя обращениями велико.

Заключительные фразы совпадают точно с Анонимным сказанием, но там цитата из Священного Писания отнесена Глебом не к убийцам, а к самому себе («Азь, братие...»). Последняя фраза «Да аще крови моя...» в контексте Анонима имеет другое значение: Глеб пытается умолить своих убийц пощадить его, а здесь он, скорее, выражает готовность умереть.

Образ «класа не съзрела» получил совсем другое значение: Глеб теперь просит дать ему время для покаяния (ср.: «еще не готова суша»). В Переяславском сказании нет жалобных слов Глеба, нет ни одного обращения к убийцам, кроме «Помилуйте юность мою..», а в Анонимном их много. Более того, самое первое обращение, с которого начинается текст Анонима, не имеет даже приблизительной аналогии в тексте переяславского автора. Нет слов Глеба о его молодости: «Не пожнете мене отъ жития не съзрела...»; «се несть убиство, но сырорезание».

Расхождения между Анонимом и переяславским автором в описании смерти Глеба и в его плаче тесно связаны между собой.

То, что в одном случае Глеб выражает свою скорбь, а в другом — сознательное желание «приятъ» ту же страсть и соединиться с братом, подтверждает дальнейшее: в Анонимном сказании Глеб молит о пощаде, а в Переяславском говорит: «Вижу предъ собою путь живота и смерти», не говорит так настойчиво о своей молодости, а просит дать время для покаяния.

Переяславский автор хотел показать своего Глеба таким же суровым и мужественным героем, как и Борис, потому в его обращениях-молитвах к отцу и брату подчеркнута сознательность поступка Глеба, то, что он понимает, за что идет на смерть:

Како без вины закалаемъ есмь.
Увы мне, увы мне,
«Слыши, небо, и внуши, земле...»

(Анонимное сказание)

...«Слыши, небо, и внуши, земле»,¹⁹ яко
безъ вины закалаемъ есмь
отъ зависти братния и любве ради Божия.

(Переяславское сказание)

Все интонации плача-жалобы, которые были в Анонимном сказании, отсутствуют, появился спокойный ровный тон, четкая формулировка Глебом причины его гибели. В предсмертной молитве это выражено еще ярче:

...слезъ моихъ не премолчи,
нъ умилися на мое уныние,
вижъ сокрушение сердца моего,
се бо закалаемъ есмь не вемъ
что ради,
или за которую обиду на свѣде,
ты вѣси, Господи.
Господи мои, вѣмъ тя рекша къ
своимъ апостоламъ
яко: «За имя Мое възложить на
вы руки...».

(Цитата та же, что и в Переяславском).

(Анонимное сказание)

Прещедрый и многомилостивый
Господи,
се приемлю горькую сию смерть
гласа ради Евангелия Твоего,
рекша «Предани буде родомъ и други,
и братъ брата предасть на смерть,
и убиють вы Мене ради»,
«въ терпении вашемъ стяжете души
своа»,
яко Ты еси жизнь наша и Тобѣ слава
съ Отцомъ и Дъхомъ. Аминь.
(Окончание молитвы отличается от
Анонимного)

(Переяславское сказание)

¹⁹ Исая 1, 1.

Он произносит слова, из которых ясно, что свою смерть он сам расценивает как смерть «любве ради Божия», «гласа ради Евангелия Твоего». Именно поэтому переяславский автор добавляет просьбу в обращении к Борису: «принести слезы» Глеба «предъ всевидящее око всевидца».

Если образ Бориса стал только более строгим, появилась аскетичность и та особая возвышенность, которой в Анонимном сказании не было, то образ Глеба стал совершенно другим. Вместо мальчика, плачущего по отцу и брату, который пытается уговорить своих убийц сохранить ему жизнь, в отчаянии обращается к мертвым, появляется герой. Глеб стремится повторить подвиг брата, он понимает, за что он погибает, осознает высокое назначение своей смерти. Переяславский автор рисует образ суровый, мужественный, столь же преданный идее, как и его брат. В стремлении к высшему, презрению к этому миру с его суетой и ложью и лежит причина подвига братьев. Именно своей суровостью и аскетичностью герои Переяславского сказания отличаются от страдающих, верящих, бесконечно человеческих и живых образов Анонимного.

После рассказа о смерти Глеба переяславский автор ни в чем не расходится с Анонимом в изложении фактов, текст отличается от Анонимного сказания самым незначительным образом, за исключением описания Альтской битвы и похвалы святым.

Альтская битва имеет больше сходства с Паремийным чтением (далее: Пар.) и летописной повестью (далее: Лет.), чем с Анонимным сказанием. Впервые оно было отмечено П. В. Голубовским,²⁰ который безоговорочно посчитал, что рассказ о бое в ЛПС — изложение паремийного текста. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что соотношение Переяславского сказания, Пар. и Лет. не менее сложно, чем Переяславского и Анонимного сказания.

Перейдем к детальному анализу и сравнению четырех текстов.

Описания самой битвы в них отличаются друг от друга, а совпадает только речь Ярослава, произнесенная им на Альтском поле. Эти четыре текста можно разделить на две группы по признаку наличия подробностей: во время боя была гроза; Ярославу в бою помогли ангелы. В Пар. и Переяславском сказании они есть, в Анонимном и Лет. их нет.

Не останавливаясь на вопросе, была ли гроза в действительности, отметим только, что упоминание об ангелах говорит в пользу того, что Пар. было написано позже, чем Анонимное сказание. Вряд ли можно предположить, что Аноним выпустил из своего рассказа такое важное для агиографического сочинения свидетельство правоты Ярослава.

По последовательности изложения событий и наращиванию подробностей тексты можно расположить так: Анонимное сказание, Лет., Переяславское сказание, особняком стоит Пар.

Первые три текста начинаются одинаково, но далее появляются отличия:

«Се рекше, поидоша противу себе, и покрыша поле Летское
множество вои».

*И съступишася восходящему
солнцу.*

Бъ же пятокъ, восходящу
солнцу, и съступишася обои.

*И съступишася бити
восходящу солнцу
въ пятокъ.*

*И бысть съча зла,
отинудъ, и съступашеся
трижды,
и бишася чересь весь днь,
и уже къ вечеру одоле
Ярославъ.*

*Бысть съча зла, яка жь
не бывала въ Руси. И за
руки емлюще, съчахуся, и
съступашеся трижды, яко
по удолиемъ кровь тещи.
Къ вечеру одоле Ярославъ.*

*И бѣ съча злаа, ака
жь въ Руси не бывала,
и омеркоша, бью-
щеся, и одоле Ярославъ.
Мнози же видеша ангелы,
помогающа Ярославу.*

(Анонимное сказание)

(Лет.)

(Переяславское сказание)

²⁰ Голубовский П. В. Служба... С. 22.

Рассказ об Альтской битве в Переяславском сказании следует плану Анонимного и Лет. Автор повторяет весь фактический материал из этих текстов, кроме слов «съступашеся трижды», которые могли выпасть и случайно при переписке. После слов «одоле Ярослав», которые завершали рассказ о бое у Анонима и в Лет., он переходит к сообщению из другого источника — Пар. об участии ангелов в бою на стороне Ярослава. Завершает рассказ о битве во всех трех текстах описание бегства Святополка.

В Пар. последовательность совершенно другая. Известие о приходе Святополка на место боя стоит не до слов «И покрыша поле Летское множество вои», а после них, затем следует рассказ о битве, совпадающий с летописью. Он завершается словами «омеркоша бьющесе», которых в Анонимном сказании и Лет нет. Перед сообщением о победе Ярослава вставлено описание грозы и сообщение об ангелах.

Внешне все представляется так: часть рассказа Пар. в Переяславском сказании «вынесена за скобку», и при этом упоминания об ангелах и о грозе поменялись местами; но эта перестановка имеет большое значение — теперь перед нами не описание дождя, а описание боя ангелов:

*И бысть съча зла, яко же не бывала въ
Руси. За руки емлюще, съчахуся и по
удолиемъ кровь течаше, и съступашеся
трижды, омеркоша бьющесе. И бысть
громъ великъ тучен, и дождь великъ, и
молниямъ блистаху. Егда же блистаху
молнии, блещахуся оружие въ рукахъ ихъ.
И мнози видеша ангелы, помагающа
Ярославу. И одоле Ярославъ.*

(Пар.)

*И бѣ злаа съча, ака жѣ въ Руси не бывала.
И омеркоша бьющесе, и одоле Ярославъ.
И мнози видеша ангелы, помагающа
Ярославу.
И быша молния, и громове и
блещахуся мечи в рукахъ ихъ.
И за руки емлюще, съчахуся.*

(Переяславское сказание)

Упоминание о дожде отсутствует не случайно, все построение данного фрагмента говорит, что молния и гром — такое же оружие ангелов, как их мечи (ср. в Переяславском сказании форма мн. числа «громове», а не «громь», как в Пар.). Фраза «И за руки емлюще, съчахуся» в Пар. явно относится к бойцам, в Переяславском сказании этот текст стоит в конце рассказа и относится к ангелам.

Мог ли переяславский автор откуда-то позаимствовать образ меча-молнии в руках ангелов? Прежде всего его источником мог послужить отрывок из древнерусского перевода «Иосиппона» в летописной статье 1110 г. в ПВЛ.²¹ Об ангеле, явившемся Александру Македонскому, там сказано: «...и обличие меча его яко молнии». (Ср. в тексте переработки переяславским автором летописной статьи 1110 г. в ЛПС: «мечъ молниинъ въ руке»). Если, как предположил Н. А. Мещерский, автор переработки действительно знал «Иосиппон», то возможно, что он исходил из подлинника: «...и в руке его меч как сияние молнии, которая блистает в день дождя».²² Из приведенного ясно, что понятие о мече как молнии в древнерусской литературе было, причем автор переработки воспринял его несколько иначе — не меч как молния, а «мечъ молниинъ».

Если следовать только за текстологическим анализом, то можно прийти к выводам, прямо противоречащим датировкам памятников: Переяславское сказание предшествовало Пар. Вначале были созданы рассказы Лет. и Анонимного сказания, кончавшиеся одинаковыми словами: «к вечеру одоле Ярослав». Переяславский автор, заменив слова «к вечеру» на «омеркоша бьющесе», добавил к описанию боя сообщение о помощи ангелов и описал

²¹ Мещерский Н. А. К вопросу об источниках... С. 57—63.

²² Там же. С. 83.

их участие в бою. Автор Пар. неправильно понял текст своего предшественника, отсюда и появилось описание грозы, которую ни один из ранних памятников цикла не поминает. Однако Пар. датируется 1036—1115 гг.,²³ тогда как текст из ЛПС можно датировать только самым концом XII в., к чему мы еще вернемся. Таким образом, дело не в том, что Переяславское сказание предшествовало Пар., а в том, что переяславский автор не перерабатывал тексты своих предшественников, а создавал на их основе свой собственный.

В отличие от Переяславского сказания в Анонимном рассказ об Альтской битве играет особую роль. Уже говорилось о предсмертной молитве Бориса, его слова: «Но Ты, Господи, вижь и суди межю мною и межю братом моим» — имеют большое значение для всего произведения в целом: призыв божественного возмездия Святополку не остается без ответа, и Аноним очень подробно рассказывает о том, что стало с ним после битвы. Он сравнивает его с библейскими братоубийцами Каином и Ламехом, с гонителем христиан Юлианом Отступником, подобно которому Святополк «бегая неведомо отъ кого злострастну смерть прия». В Переяславском сказании нет намека на его насильственную смерть подобно византийскому императору, хотя Юлиан и упомянут. Рассказ о Святополке стоит в общем ряду, где говорится о всех преступниках прошлого и который завершают слова: «Тако отместие злым». В Анонимном сказании возмездие получает конкретный человек — Святополк, в Переяславском говорится об «отместии» злу вообще.

Разница в идеях обоих произведений приводит к тому, что совершенно разными становятся их композиции при внешнем сходстве планов. Рассмотрим внимательно внутреннюю структуру произведений.

Действие в Анонимном сказании развивалось за счет внутреннего конфликта, морального противоборства Бориса и Святополка. В отличие от многих авторов Аноним, принимая агиографическую схему, когда с самого начала задано: один герой принадлежит Богу, другой — дьяволу, показывает, как Бог или дьявол овладевает душой человека. И Борис, и Святополк стоят перед выбором. Дружина предлагает Борису воевать, он предпочитает собственную смерть преступлению. Святополк после убийства Бориса тоже решает проблему: «Что створю? Аще до сдѣ оставлю дело убийства моего, то двоего имаю чаяти, аще услышит мя братия моя си же варивше, въздадять ми и горша сихъ». Святополк приходит к выводу, что лучшее, что может быть, — изгнание, худшее — его убьют. Его дальнейшие рассуждения — это перефразировка текста 68-го псалма, причем он относит к себе проклятие Давида своим врагам. И он выбирает путь дальнейших преступлений, как ему кажется, для спасения своей жизни. Вся чудовищность его деяния Аноним раскрывает не в риторических рассуждениях, а рассказывая о совершенно бессмысленном убийстве Глеба. Ведь Глеб в Анонимном сказании — мальчик, который не имеет войск, не сопротивляется и даже не понимает, за что старший брат решил его убить. Так выстраивается трагический конфликт в произведении.

Основная идея Переяславского сказания — этот мир настолько суетен и ложен, что герой с истинно возвышенной душой может его только презирать, он не может искать себе место в нем. С мученической смертью Бориса приходит к своему логическому финалу тема произведения. Но есть еще один герой — Глеб, о котором тоже нужно рассказывать. Переяславский автор вводит мотив единства братьев и создает свою систему. Возникает

²³ Соболева Л. С. Исторические паремии Борису и Глебу — малоизученный памятник Киевской Руси: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981.

зеркальная композиция, осью и центральной частью которой является главная для Переяславского сказания мысль о ложности этого мира, а связующим между двумя одинаковыми подвигами святых братьев — мотив вешего сна. Переяславский автор отсекает все линии, которые прямо не связаны с раскрытием темы мученичества. Из его текста исчезают Георгий, слуга Бориса, погибший вместе с ним, и полноправный герой Анонимного сказания Святополк. Рассказ о них есть только в составе двух сильно сокращенных вставок из Анонимного сказания.

Первая вставка помещена между рассказом о пути Бориса на Альту и описанием его мученичества. Вторая предшествует плачу Глеба. Обе вставки характеризуются небрежным сокращением, особенно первая, в которой говорится о совещании Святополка с убийцами, разговоре Бориса с дружиной и ночи перед убийством на Альте. Несомненно, переяславскому автору здесь принадлежат только первые две фразы. Дальнейший текст — это сокращение Анонимного сказания, в котором в результате перестановок возникли две крупные ошибки: «Борись же всю надежу положи на Бога и начать подвижнее бывати», — пропало начало отрывка «Видевъ же дьяволь...», и получилось, что «начать подвижнее бывати» не дьявол, а Борис. «...и бѣ день суботный, певъ вечѣрню бѣ въ тузѣ и печали, вшедъ въ шатерь и нача жалостно глаголати аксапсалмы и утреннюю воскресную: „Господи...“» — из-за сильного сокращения текста вечерняя молитва превратилась в утреннюю.

Во второй вставке говорится об избииении отроков Бориса, о перевозке его тела, о посылке слуг Святополка к Глебу. Она начинается с точно переписанной из Анонимного сказания даты гибели Бориса и следующей за ней фразы об избииении отроков Бориса и ограблении трупа Георгия. Это прямо противоречит предшествующему тексту, где о Георгии не было сказано ни слова. Дальнейшее сокращение не содержит явных ошибок и противоречий, но очень небрежно по стилю.

Вторая вставка явно нарушает композиционное единство произведения. Внутренняя связь между Борисом и Глебом подчеркнута именно тем, что Глеб слышит во сне предсмертные слова Бориса. Вставка вклинивается в текст и разрывает его.

На основании этих данных следует считать, что вставки в текст Переяславского сказания были сделаны не автором, а кем-то другим.

Чтобы окончательно решить вопрос, является ли Переяславское сказание самостоятельным памятником цикла, нам следует рассмотреть последний аспект: насколько стиль и язык двух произведений близки друг другу. В Переяславском сказании есть целый ряд фрагментов, ни по смыслу, ни по тексту не связанных с Анонимным, но сейчас мы будем рассматривать только случаи совпадения, чтобы показать характер работы переяславского автора и степень реального сходства текстов.

Совпадения, как правило, идут на уровне словосочетаний или частей предложений типа: «Увы мне, како заиде, свѣтъ мой» (плач Бориса), «Гърдения о болярѣхъ своихъ» (монолог о суете), «помолися къ общему всехъ владыце о мнѣ» (обращение Глеба к отцу) и т.п. Совпадения на уровне целых предложений крайне редки. В основном это — цитаты из Священного Писания или традиционные молитвенные формулы. Использование тех же цитат, что и в Анонимном сказании, у переяславского автора тоже ничем не регламентировано. Так, он может исказить смысл, как в предсмертной молитве Бориса. Может сократить или добавить к ней свои собственные слова, как в похвале святым: «Но якоже рече Господь: „Не укрѣтсѣя свѣтильникъ ва тѣмъ“. И паку пишеть: „Не укрѣтсѣя градъ врѣхъ горы стоя“ ни святыхъ страсти утаитися могутъ». Ср. правильную

цитацию в Анонимном сказании: «Не может градъ укрытися верху горы стоя, ни свѣще въжегыше спудомъ покрывають, но на свѣтиле поставляють, да свѣтитъ темныя» (Матф. 5, 14—15).

Нельзя проследить и какого-то единообразия в сходстве текстов по отдельным частям. Так, совпадающие с Анонимным сказанием словосочетания в плаче Бориса расположены в другом порядке, чем в Анонимном сказании, в плаче Глеба последовательность сохранена. Тексты могут быть больше, чем в Анонимном сказании, а могут быть меньше. Как было показано, монологи героев, их молитвы несут другое содержание, чем в Анонимном сказании. При этом тексты могут быть очень близки, как предсмертная молитва Бориса или обращение к убийцам Глеба, а могут иметь минимальное количество совпадений, как предсмертные молитвы Глеба. Очень часто совпадающие словосочетания или более крупные фрагменты имеют разное значение в двух текстах. Например, слова «Сердце ми горить, душа ми смутьаеть и не вѣмъ къ кому обратися, къ кому горькую сию печаль простерети» в Анонимном сказании выражали горе Бориса, в Переяславском они входят в состав фразы с другим значением: «Сердце ми горить, душа ми смутися, не хоцю бо ни день, ни часъ видети, донеле же сподоблюся день...». Яркий пример — переосмысление образа «класа не съзрела» путем добавления всего одного слова в обращении Глеба к убийцам: «класа не съзрела покаяниемъ».

В тех фрагментах, где смысл остался неизменным, хорошо видны стилистические отличия, например в плаче Глеба:

*Азь мнехъ вборзе узрети лице твое ан-
гельское...*

(Анонимное сказание)

*Аз бо хотехъ лице отца моего видети,
и сладкоглаголивая его уста,
и твое лице ангельское, не оскверненное
отъ плотолюбия...*

(Переяславское сказание)

или в наиболее близких текстах рассуждения о суете Бориса:

*Уже все имъ ако и не было николи же,
вся съ ними исчезоша,
и нѣсть помощи не отъ кого же сихъ.
Ни отъ имения,
ни отъ множества рабъ, ни отъ славы
мира сего.*

(Анонимное сказание)

*А нынѣ все имъ яко и на бывало,
и все мимо иде и погibe.
А помощи нѣсть ни отъ кого же тамо,
ни отъ рабъ,
ни отъ имѣнiа, ни отъ славы мира сего.*

(Переяславское сказание)

Переяславский автор создает свою образную систему, новые образы, появившись раз, не исчезают бесследно. Так, слова Глеба «Единъ гробъ держа насъ — материна утроба, то могль бы и земельный гробъ насъ удержати во единении» дальнейшее развитие получают в похвале святым, из-за чего тексты двух сказаний серьезно отличаются:

*О блаженная убо гроба, примѣши телеси
ваю...
блаженная церкви, въ ней же положена
быста раце ваю...*

(Анонимное сказание)

*О блаженная утроба, носившая ваю
блаженная церкви, иде жь положена быста
раце ваю святей.*

(Переяславское сказание)

В плаче Глеба параллель выстраивается по линии «материна утроба» — «земельный гроб», где в основе лежит понятие о матери-земле и смерти как возвращении в лоно матери. В похвале место «земельного гроба» занимает «блаженная церкви», но принцип построения параллелизма остается тот же: материна утроба (гроб до рождения) — земельный гроб или церковь (гроб после смерти).

Таким образом, построение произведения в целом, композиция отдельных частей, трактовка образов главных героев, наконец, сама тема произведения в двух памятниках совершенно различны, следовательно, мы не можем говорить о том, что одно из них является редакцией другого.

Итак, Переяславское сказание является самостоятельным памятником Борисо-Глебского цикла. На основании ряда содержащихся в нем указаний его можно довольно точно датировать. Во-первых, искажение значения цитат в тексте позволяет предположить, что Переяславское сказание возникло позже Анонимного. Глеб называет своего отца «святой Владимир-Василий». Согласно Голубинскому²⁴ официальная канонизация Владимира произошла только в 1240 г. Даже если переяславский автор предвосхищал события, его произведение едва ли могло появиться раньше конца XII в. К Борису и Глебу в молитве обращаются: «мученика ли, но и новоначалници святому крещению, яко апостолы». Назвать их равноапостольными могли только тогда, когда культ уже стал одним из важнейших в русской церкви. Во второй половине XII в. их праздник переходит в разряд главных праздников года, как показал Абрамович.²⁵ Именно с этого времени он начинает отмечаться крестом с полукружием в богослужебных книгах. Вместе с тем отнести его к послемонгольской эпохе сложно, так как в нем не подчеркнута военная функция Бориса и Глеба, которая стала преобладать в их культе в середине XIII в.²⁶ Таким образом, наиболее вероятная дата — кон. XII—нач. XIII в. В это время в 1214—1216 гг. был составлен ЛПС.

Можно проследить и связь Переяславского сказания с собственно переяславской частью. Люди Бориса называют его «святым земледержцем», а в некрологе Всеволода Большое Гнездо, который в таком виде читается только в ЛПС, Всеволод назван «миродержец всея Суздальския земли». Слово «земледержец» известно только еще из одного памятника: Смоленской грамоты 1229 г. «Миродержец» употреблялось более широко, но в переводных текстах. В русских памятниках в значении «князь, владелец» оно есть только в «Словах» Кирилла Туровского (вторая половина XII в.). Едва ли такое совпадение в словоупотреблении двух редких лексем случайно.

В то время, когда составлялся ЛПС, в Суздальской земле шла война между сыновьями Всеволода Большое Гнездо; как указывал Д. С. Лихачев, «культ Бориса и Глеба неоднократно использовался для идейной защиты прав князя на свои отчины».²⁷ Совокупность этих данных позволяет не просто предположить, что данный памятник возник в Переяславле-Залеском на рубеже XII—XIII вв., а утверждать с большой долей вероятности, что он непосредственно связан с созданием ЛПС в 1214—1216 гг.

Исследование такого крупного литературного памятника, включенного в летопись, как Переяславское сказание о Борисе и Глебе, позволяет во многом прояснить историю создания самого ЛПС. На данном этапе работы можно выдвинуть гипотезу об одновременном создании обеих частей Летописца. Автор Переяславского сказания и редактор-составитель Древнейшей части явно одно и то же лицо, но неясно, в какой мере он участвовал в написании статей ЛПС за 1205—1214 гг.

²⁴ Голубинский Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903.

²⁵ Абрамович Д. И. Жития... С. XV.

²⁶ Лесючевский В. И. Вышгородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусства // СА. М.; Л., 1946. Т. 8. С. 225—247; Лазарев В. Н. Фрески Старой Ладogi. М., 1960. С. 134—137; Алешковский М. Х. Русские глеборисовские энколпионы 1072—1150 гг. // Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 104—125

²⁷ Лихачев Д. С. Некоторые вопросы идеологии феодалов в литературе XI—XIII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 89.